

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ
SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

УДК 316.752

DOI: 10.18413/2408-9338-2016-2-4-47-51

Гришаева Е.И.

РОЛЬ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК В ФОРМИРОВАНИИ
ИДЕНТИЧНОСТИ ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ*

Уральский Федеральный университет,
пр. Ленина, 51, г. Екатеринбург, 620001, Россия
Ekaterina.grishaeva@urfu.ru

Аннотация. В данной статье описывается, каким образом различные коммуникативные практики влияют на формирование религиозной идентичности в церковном дискурсе. Под церковным дискурсом мы понимаем дискурс, который воссоздается и функционирует под контролем Русской Православной Церкви как религиозного института. Результаты работы основаны на серии интервью, проведенных со священнослужителями в Тамбовской и Свердловской областях. Методологической основой исследования стал дискурс анализ в версии М. Фуко, Э. Лакло и Ш. Муфф. Через коммуникацию формируется и выражается представление человека о самом себе, которое появляется в результате занятия субъектной позиции в дискурсе. Коммуникативные практики в церковном дискурсе можно разделить на вертикальные и горизонтальные. Вертикальные коммуникации структурированы асимметрией ролей, между священством и прихожанами. Система горизонтальных коммуникаций складывается в приходе. И вертикальные, и горизонтальные коммуникативные практики значимы для интерпретации религиозных значений, изменения дискурсивных норм и правил.

Ключевые слова: дискурс-анализ; религиозная идентичность; православие; коммуникативные практики.

Ekaterina Iv. Grishaeva

ROLE OF COMMUNICATION PRACTICES IN THE FORMATION
OF IDENTITY OF ORTHODOX BELIEVERS

Ural Federal University,
51 Lenin Ave., Yekaterinburg, 620001, Russia
Ekaterina.grishaeva@urfu.ru

Abstract. The paper describes how various communication practices affect the identity building process in the church discourse. We understand the church discourse as a discourse which the Russian Orthodox Church as a religious institution recreates and controls. The results are based on a series of interviews with priests, conducted in Tambov and Sverdlovsk regions. The discourse analysis (M. Foucault, E. Laclau and Ch. Mouffe) is the main methodological framework of the research. The discourse subject is formed through communication practices and at the same time expresses identity through them. As the results proved, communication practices in the church discourse can be vertical and horizontal. Vertical communication is constituted through the asymmetry of roles between the priesthood and the congregation. Horizontal communication practices is a series of interactions of parish members. Vertical and horizontal communication practices are important for the interpretation of religious values, introducing changes in performing discursive roles and following regulations.

Key words: discourse analysis; religious identity; Orthodoxy; communication practices.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта 16-03-00387 «Традиционные религии и религиозная идентичность в постсекулярном обществе: на основе исследования православных приходов».

Введение

В данном исследовании мы исходили из понимания религиозной идентичности как дискурсивной. Религиозная идентичность артикулируется внутри церковного дискурса на основе содержания религиозной доктрины и при помощи системы дискурсивных взаимодействий. Под церковным дискурсом мы понимаем дискурс, который воссоздается и функционирует под контролем Русской Православной Церкви как религиозного института. В данной статье мы анализируем, каким образом система коммуникативных практик церковного дискурса формирует идентичность православных верующих. Для этого, во-первых, будут рассмотрены теоретические основания формирования идентичности в дискурсе; во-вторых, проанализировано, какое значение отдельные коммуникативные практик церковного дискурса имеют для формирования идентичности верующих. Результаты работы основаны на серии интервью, проведенных со священнослужителями в Тамбовской и Свердловской областях. Методологической основой исследования стал дискурс анализ в версии М. Фуко, Э. Лакло и Ш. Муфф.

Методология исследования

Религиозная идентичность как дискурсивный феномен

С точки зрения дискурсивных подходов, индивид, становясь субъектом дискурса, принимает заданную дискурсом систему ценностей и поведенческих моделей, которые изменяют его субъективность. Этот процесс обозначается как занятие субъектной позиции (subject position) в дискурсе [5]. Другими словами, идентичность представляет собой социальную роль, которую индивид выполняет, становясь участником дискурсивных взаимодействий. Субъект принимает и выполняет ее как нечто естественное, обязательно, не замечая ее дискурсивной природы.

Понимание механизмов формирования идентичности в дискурсе связано с тем, как определяется дискурс. Большое значение имеет решение вопроса о существовании додискурсивных структур и практик, и о значении материального компонента в дискурсе. Мы руководствуемся пониманием дискурса, разработанного в работах М. Фуко, Э. Лакло и Ш. Муфф. В отличие от других подходов [4], они не ограничивают дискурс только лингвистическим аспектом, но включают в область дискурсивного материальные аспекты

коммуникаций. Например, это физическая работа по строительству моста, в ходе которой происходит коммуникация между строителями при помощи материальных объектов.

М. Фуко понимает дискурс как социальную практику, которая упорядочивает и регулирует социальные взаимодействия «через отношения власти, коммуникации и посредством объективных условий» [5, с. 793]. Дискурс представляет собой совокупность знаков и актов формулировки предложений. Выработанные в дискурсе значения лежат в основе социальных практик, определяющих наше поведение; таким образом, «все практики имеют дискурсивный аспект» [6, с. 17].

Развивая идеи Ж. Деррида и М. Фуко, Э. Лакло и Ш. Муфф не предполагают существование материальных объектов и практик вне дискурса; дискурс формирует социальную реальность, физические объекты приобретают значение посредством дискурса. Например, землетрясение может бы по-разному проинтерпретировано в естественно-научном или общественном дискурсах. Они утверждают материальный характер дискурсивных структур; в дискурсе объединены лингвистические и нелингвистические элементы [7, с. 110]. Это понимание дискурсивного восходит так же к концепции языковых игр Л. Витгенштейна, где описывается перформативный характер речевых актов. Мы исходим из понимания церковного дискурса как совокупности идей, образов и практик, которые обосновывают содержание и формы практик.

Формирование идентичности в дискурсе связано с (1) с цепочками значений; (2) формами дискурсивного принуждения, представляющие собой проявления власти; (3) системой коммуникативных практик, осуществляющих трансляцию значений и дискурсивного доминирования.

Фуко понимает дискурсы как систему производства знаний, которые выражены в совокупности предложений. С точки зрения Э. Лакло и Ш. Муфф, значения дискурса сгруппированы в цепочки значений, а узловые точки (nodal points) частично фиксируют значения. Идентичность образуется при помощи цепочек значений, которые определяют, чем субъект является, чем не является [7, с. 113]. В церковном дискурсе значения связаны с «первичными текстами» религиозной доктрины. Прежде всего, важны те элементы доктрины, которые позволяют определить специфику

религиозного сообщества: доктрина об избранности; истории, описывающие возникновение религиозной общины, различные указания на превосходство ценностей, связанных с данной традицией, над другими [7, с. 560]. Важную роль в процессе идентификации играют группы значений, которые подчеркивают неизменность религиозной традиции, позволяют найти решение житейских вопросов [3].

М. Фуко выделяет три типа власти, присутствующие внутри дискурса: контроль производства дискурса, внутренние принципы классификации и упорядочивания, ограничение полномочий и избирательность в отношении субъектов дискурса [5, с. 793]. В концепции Э. Лакло и Ш. Муфф, власть проявляется в установлении гегемонии. Различные группы внутри дискурса и отдельные дискурсы соперничают за возможность определять значения в дискурсе и языке. Гегемония означает фиксацию значений в конкурирующих дискурсах; она удаляет альтернативное значение из дискурсивного поля, фиксирует свои цепочки значений. Таким образом, власть в дискурсе связана с контролем системы производства значений, который проявляется в установлении гегемонии. При этом, власть не всегда связана с подавлением, но имеет важную функцию формирования и поддержания социального порядка.

В церковном дискурсе власть проявляется в гегемонии значений религиозной доктрины, установленной системе речевых ритуалов, а также в процедурах отбора участников дискурсивных взаимодействий. Большое значение имеет асимметрия ролей, характерная для институциональных дискурсов. Она выражается в делении на эксперта, обладающего инсайдерским знанием о том, как функционирует институт, и клиента, который обладает меньшим знанием. Асимметрия ролей задает структуру коммуникации: например, структура вопрос-ответ-оценка характерна для школьного дискурса, а структура вопрос-ответ для интервью [2].

Идентичности выражаются в грамматике языка. Идентичности формируются и эксплицируются через коммуникативные практики. Э. Лакло и Ш. Муфф подчеркивают, что артикуляция осуществляется через язык, но включает в себя материальные компоненты, связанные с деятельностью институтов, ритуалов и практик [7]. М. Фуко подчеркивает, что речевые ритуалы «фиксируют предполагаемую или вменяемую действенность слов» [1, 71].

Коммуникативные акты, помимо лингвистического аспекта, содержат в себе невербальные элементы коммуникации: жесты, взаимодействия с вещами, которые усиливают значение лингвистического содержания. Далее мы рассмотрим следующие коммуникативные практики церковного дискурса: исповедь, проповедь, формы взаимодействия священника и прихожан.

Формы коммуникации между священством и прихожанами

Исповедь и проповедь как коммуникативные практики направлены на трансляцию значений, которые конституируют православное сообщество, отличает его других типов сообществ. Эти значения могут быть двух типов: (1) вневременными, связанные с ядром религиозной доктрины и обеспечивающие преемственность религиозной традиции; (2) отвечающие за адаптацию православного сообщества к реальности внешнего мира. В качестве примеров, относящихся ко второй группе, священники называют следующие ценности: высокий уровень культуры, созидательное, творческое отношение к жизни, следование заповедям, оптимизм, работа над собой, жизнь по совести, патриотизм.

Проповедь произносится в конце праздничных и воскресных богослужений. Как коммуникативная практика чаще всего она следует определенной структуре: евангельский сюжет, толкование, духовно-нравственное значение сюжета. Проповедь не предполагает диалога; участие прихожан как субъектов коммуникации пассивно, но предполагает интерпретацию содержания. Эффект воздействия проповеди усиливается участием в богослужении. По сути, проповедь предлагает «образцы для поведения» (интервью со священником, г. Екатеринбург, 29.10.2016), модели адаптации христианского идеала к реалиям современной жизни. Священники выделяют следующие темы, затрагиваемые в проповедях: богословские, церковные, психологические, празднично-финансовые (интервью со священником, г. Екатеринбург, 22.10.2016).

Исповедь представляет собой форму дискурсивного контроля. В терминологии М. Фуко, исповедь это одна из технологий себя, которая формирует представление субъекта. Исповедь связана с интернализацией ценностей и норм церковного дискурса (содержание религиозной доктрины и воплощение ее в жизнь); она формирует представление субъекта о самом

себе через рефлекссию. Коммуникативная структура исповеди может быть различной: от простого перечисления прегрешений по списку до личной беседы со священником. В первом случае исповедь рассматривается как акт покаяния, к которому необходимо готовиться заранее («покаянный труд человек совершает дома», интервью со священником, г. Екатеринбург, 22.10.2016), а священник как посредник между человеком и Богом. Исповедь описывается, прежде всего, как Таинство; она основана на покаянии перед Богом, а не на беседе со священником. Важно то, что в этом случае исповедь отделяется от психологического субстрата: идеальная исповедь не эмоциональна.

Противоположный подход к исповеди – понимание исповеди как «похожей на личную беседу» (интервью со священником, г. Тамбов, 29.07.2016). Представление об исповеди как «великой тайне», где «однозначно есть элемент мистического» (интервью со священником, г. Екатеринбург, 29.10.2016) дополняется «советами, духовным руководством». Личность священника имеет большое значение, советы духовника могут походить на советы психолога (интервью со священником, г. Екатеринбург, 29.10.2016). В ходе интервью священник привел примеры, как на исповедь приходили мусульмане только для того, чтобы получить совет (интервью со священником, г. Екатеринбург, 29.10.2016). В первом и втором случае наиболее значимым моментом исповеди является перемена в человеке (экзистенциальная перемена), которая достигается различными способами. С точки зрения дискурсивного подхода, изменение в человеке связано с интернализацией дискурса; формирование у субъекта дискурса концепции себя, формирующейся под влиянием дискурсивных значений и правил взаимодействия.

Асимметрия дискурсивных ролей, отражающаяся в структуре коммуникации проповеди и исповеди, формирует границу между священником и прихожанами. Вместе с тем, она делает данные коммуникативные практики более эффективными для дискурсивного контроля. Граница конструируется разными способами: особые формы служения, специальная одежда, обращение к священнику на «вы», плохое знание священником жизни вне церкви, др. Священники могут подчёркивать эту границу, или, наоборот, стремиться к ее преодолению. В этом случае священник считает себя членом приходской общины, по сути, не отличающимся от других

прихожан. Граница подчеркивает авторитет священника, его особое значение для жизни прихода; способствует выстраиванию горизонтальных коммуникативных практик между священником и прихожанами.

Взаимодействие священника с прихожанами не ограничивается лингвистическим аспектом коммуникации. Они соучаствуют в уборке храма и прихрамовой территории, оказывают материальную помощь нуждающимся (прихожане, и те, кто обратился в храм за помощью). Материальная помощь не рассматривается как практика, направленная на формирование религиозной идентичности. Как правило, она носит безвозмездный характер; неприхожанин, получивший помощь от храма, в очень редких случаях интегрируется в приход.

Для формирования религиозной идентичности большое значение имеет система горизонтальных коммуникаций, существующих внутри прихода. Для процесса воцерковления важна передача опыта от человека к человеку; в роли «опытного христианина» может выступать как священник, так и обладающий авторитетом прихожанин. Преимущество последнего в том, что коммуникация с ним не структурирована границей, имеет более свободный, доверительный характер.

Заключение

С точки зрения дискурсивных подходов, идентичность формируется через принятие субъектной позиции в дискурсе. При помощи различных форм установления контроля дискурс формирует ценности и взаимодействия субъектов. Идентичность представляет собой роль, которую индивид выполняет, становясь участником дискурсивных взаимодействий; субъект принимает и выполняет ее как нечто естественное, обязательно, не замечая ее дискурсивной природы. Для формирования идентичности в церковном дискурсе наиболее важны содержание доктрины и участие в ритуалах. Через обращение к устойчивой системе значений доктрина формирует представление религиозного сообщества о самом себе, его границы, отличие от других «внешних» сообществ. Ритуалы способствуют закреплению и актуализации значений религиозной доктрины в повседневной жизни верующих.

Коммуникативные практики значимы для формирования религиозной идентичности в церковном дискурсе. Через коммуникацию формируется и выражается представление человека о самом себе, которое появляется в

результате занятия субъектной позиции в дискурсе. Коммуникативные практики в церковном дискурсе можно условно разделить на вертикальные и горизонтальные. Вертикальные коммуникации структурированы границей, или асимметрией ролей, между священством и прихожанами. Прежде всего, они выступают как способы дискурсивного контроля. Система горизонтальных коммуникаций складывается в приходе, она предполагает большую свободу в исполнении дискурсивных ролей. И вертикальные, и горизонтальные коммуникативные практики значимы для интерпретации религиозных значений, изменения дискурсивных норм и правил.

Продолжение следует

Список литературы

1. Фуко М. Порядок дискурса // *Воля к Истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. М.: Касталь, 1996. С. 49-94.
2. Benwell B., Stokoe E. *Discourse and identity*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 314 p.
3. Breakwell G. *Coping with Threatened Identities*. London: Methuen, 1986.
4. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis*. London: Longman, 1995. 235 p.
5. Foucault M. The Subject and Power // *Critical Inquiry*. 1982. Vol. 8. №4. P. 777-795.
6. Hall S. Who needs «identity»? // *Identity: A Reader*. London: Sage, 2000. Pp. 15-30.

7. Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy*. London: Verso, 2001. 240 p.

8. Seul J.R. «Ours is the Way of God»: Religion, Identity, And Intergroup Conflict // *Journal of Peace Research*. 1999. Vol. 36. №5. Pp. 553-569.

References

1. Foucault M. The order of discourse: the Will to Truth: beyond knowledge, power and sexuality. *Works of different years*. Moscow: Castal, 1996. Pp. 49-94.
2. Benwell B., Stokoe E. *Discourse and identity*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 314 p.
3. Breakwell, G. *Coping with Threatened Identities*. London: Methuen, 1986.
4. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis*. London: Longman, 1995. 235 p.
5. Foucault M. The Subject and Power. *Critical Inquiry*, 1982. Vol. 8. № 4. Pp. 777-795.
6. Hall S. Who needs «identity»? *Identity: A Reader*. London: Sage, 2000. Pp. 15-30.
7. Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy*. London: Verso, 2001. 240 p.
8. Seul J.R. «Ours is the Way of God»: Religion, Identity, And Intergroup Conflict. *Journal of Peace Research*, 1999. Vol. 36. №5. Pp. 553-569.

Гришаева Екатерина Ивановна, кандидат философских наук, Уральский Федеральный университет.

Ekaterina Iv. Grishaeva, PhD in Philosophy, Ural Federal University.